

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/68/7

Е. Г. Новикова

Томский государственный университет

**Карл Маркс и Фридрих Энгельс
в контексте геополитических взглядов
Ф. М. Достоевского ***

Впервые системно проанализированы материалы Ф. М. Достоевского, связанные с именами Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В работе показано, что труд Фридриха Энгельса «О положении рабочего класса в Англии» описывается в журнале братьев Достоевских «Время» 1861 г.; политическая экономия Энгельса проверяется категориями совести и нравственности, и этой проверки здесь она не выдерживает. Если труд Энгельса осмысливается в рамках экономической проблематики, то представления о Карле Марксе в журнале «Гражданин» 1873 г. вовлечены в геополитические размышления Достоевского об исторических судьбах христианства и Российской империи. Современную ему политическую жизнь Европы писатель интерпретирует как борьбу коммунистических идей с христианством и полагает, что Карлу Марксу в этом сражении «не устоять».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, М. А. Бакунин, «Время», «Гражданин».

Ф. М. Достоевский, Карл Маркс и Фридрих Энгельс принадлежали к одному поколению: родившиеся на рубеже 1810–1820-х гг., как деятели и мыслители они сформировались на фоне европейских революционных событий конца 1840-х гг. К. Маркс и Ф. Энгельс были участниками февральской революции 1848 г. в Париже и мартовской революции в Германии, а Достоевский в 1849 г. посещал кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, возникновение которого также было тесно связано с этими европейскими революциями. В 1849 г. Маркс, высланный сначала из Германии, а затем из Франции, навсегда эмигрировал в Лондон, куда в конце 1849 г., после поражения немецкой революционной армии, перебрался и Энгельс. В течение этого же года Достоевский был арестован, находился в одиночной камере Петропавловской крепости, предстал перед военным судом, был приговорен

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.

Новикова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634004, Россия; elennov@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 3
© Е. Г. Новикова, 2019

к смертной казни, которая, как известно, в последний момент была заменена четырёхлетней каторгой с последующей шестилетней военной службой в Сибири.

Лондонский период жизни Маркса и Энгельса – это активная политическая деятельность, наиболее известным результатом которой стал так называемый I Интернационал, а также создание знаменитого экономического учения, книги «Капитал», первый том которой вышел в свет в 1867 г.

Достоевский же уже в Сибири отказал политическим революционным идеям в плодотворности и жизнеспособности. Из его письма А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. из Семипалатинска: «Может быть, Вас смущал <...> наплыв французских идей в ту часть общества, которая мыслит, чувствует и изучает? <...> Но согласитесь сами, что все здравомыслящие, то есть те, которые дают тон всему, всему, смотрели на французские идеи со стороны научной – не более» [Достоевский, 1985, т. 28₁, с. 208]. Вот принципиальное подведение итогов деятельности кружка петрашевцев, по Достоевскому: «французские идеи со стороны научной – не более». И здесь же он предлагает истинную «политическую идею» России: «наша политическая идея, завещанная еще Петром» [Там же], т. е. идея Российской империи Петра I.

В свою очередь, интерес русского писателя к современным ему экономическим теориям и концепциям, с которыми он впервые познакомился именно в кружке петрашевцев [Гуидо, 2012, с. 27–30], в Сибири только возрос, более того, обогатился новыми смыслами и контекстами. В сибирских письмах Достоевский настойчиво просил брата Михаила прислать ему «экономистов и отцов церкви», «историков, экономистов», «Отечественные записки», «отцов церкви и историю церкви» [Достоевский, 1985, т. 28₂, с. 171, 173]. Экономическая проблематика постепенно становится частью картины мира писателя в сложном сочетании с религиозными, историческими и национальными вопросами [Новикова, 2013].

Наиболее очевидно это проявилось в публицистической деятельности Достоевского первой половины 1860-х гг. Высланный из центральной России в самом начале 1850 г., в 1859 г. писатель вернулся в совершенно другую страну – в Россию, стоящую на пороге масштабных социально-политических, юридических, экономических реформ. Достоевский сразу же включился в актуальную общественную жизнь, будучи уверенным в том, что реформирующейся России жизненно необходима его почвенническая концепция, сформированная Сибирью и каторгой. В это время в его деятельности отчетливо актуализируется особая позиция сочетания художественного и исторического, политического подхода к современности, характерная и для других его русских современников [Силантьев, Созина, 2013]. Во имя активной пропаганды почвеннических идей он обратился, прежде всего, к журналистике, и журналы братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865) стали ярким явлением пореформенной России первой половины 1860-х гг. Экономическая проблематика была представлена в них с самого начала, уже во «Времени» 1861 г. Именно в этом контексте в материалах журнала братьев Достоевских и появляется имя Фридриха Энгельса.

В мартовском номере «Времени» за 1861 г. была опубликована анонимная рецензия на книгу немецкого экономиста Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» [Hildebrand, 1848], вышедшую в свет в 1860 г. на русском языке в переводе М. П. Щепкина [Политическая экономия..., 1861].

Особого внимания заслуживает анонимный характер этой статьи. Экономические работы во «Времени» принадлежали чаще всего известному экономисту И. Н. Шиллю [Белов, 2001, с. 415], поэтому можно предположить, что он мог быть автором и данной рецензии. Однако, как указывает В. Н. Захаров, глубоко изучивший материалы «Времени» и «Эпохи», «анонимность и псевдонимность» была принципиальной стратегией братьев Достоевских как издателей и редакто-

ров, которая, в свою очередь, сочеталась с тем, что «Достоевские редактировали все публикации “Времени” и “Эпохи”: правили статьи; то, с чем были согласны, пропускали в печать; то, что вызывало возражения, отклоняли» [Захаров, 2005, с. 699, 700]. Исходя из этого утверждения авторитетного исследователя наследия Достоевских, можно предположить, что выраженный в анонимной рецензии подход к Энгельсу возражений у них не вызвал.

Книга Б. Гильдебранда представляет собой развернутый обзор немецкой экономической мысли; особое внимание в ней уделено работе Энгельса «О положении рабочего класса в Англии» [Engels, 1845]. «Наибольшее место в его книге занимает разбор сочинения Энгельса “О положении рабочего класса в Англии”», – подчеркивает автор рецензии [Политическая экономия..., 1861, с. 85].

«О положении рабочего класса в Англии» – один из первых масштабных трудов Энгельса по политической экономии, в основе которого его жизнь в Манчестере в течение 1842–1844 гг., его собственный опыт коммерческой деятельности и предпринятые им здесь специальные исследования современного положения английских рабочих. Считается, что именно эта книга Энгельса изменила к лучшему отношение к нему Карла Маркса, сначала достаточно холодное.

В свою очередь, Б. Гильдебранд и анонимный автор рецензии во «Времени» по отношению к труду Энгельса занимают иную (и единую) позицию – это позиция его резкой критики. В «Политической экономии настоящего и будущего» русского автора восхищает, прежде всего, именно критика Энгельса: «Тут сосредоточивается вся блестящая сторона критического таланта нашего автора. Он <...> победоносно опровергает его основные положения» [Там же]. По мнению автора рецензии, суть неприятия Б. Гильдебрандом политико-экономической концепции Энгельса состоит в том, что тот, «возводя частную выгоду на степень высшего начала экономической науки», разорвал «всякую связь между наукою и нравственною задачею человеческого рода» [Там же, с. 77], которая для самого Б. Гильдебранда была ключевой. Настойчивая апелляция известного немецкого политэконома к «нравственной силе народов» [Там же, с. 90] и обусловила его общее критическое отношение к труду Энгельса, полагает автор рецензии, полностью его разделяя. Для усиления этой позиции он обращается к авторитету Дэвида Юма, оригинальная философия которого сформирована сложным сочетанием позитивистского (в том числе, экономического) и специально психологического подхода к человеку: «Гениальный Юм был убежден, что “вообще участие к другим в каждом человеке гораздо сильнее, чем своя собственная выгода”» [Там же, с. 88]. Отсюда русский автор делает вывод о том, что в «нравственной природе человека» «личный интерес и совесть гармонируют друг с другом» [Там же]; но именно это и не учитывает Энгельс.

Еще находясь в Сибири, Достоевский просил присылать ему «экономистов и отцов церкви» – именно в таком сочетании. Политическая экономия Энгельса во «Времени» проверяется категориями нравственности и совести, и этой проверки она здесь не выдерживает.

Если имя Фридриха Энгельса связано в материалах Достоевского с экономической проблематикой, то имя Карла Маркса оказалось вовлеченным в геополитические размышления писателя.

Достоевский для журнала «Гражданин» некоторое время, помимо других материалов, составлял еженедельные обзоры иностранных событий, которые свидетельствуют о том, что текущую политическую жизнь Европы писатель изучал системно и глубоко. В одной из таких статей от 8 октября 1873 г., входящей в общий обзор «Иностранные события» за 1873 г., Достоевский пишет: «Рим, в первый раз за 1500 лет, поймет, что пора кончить с высшими мира сего и оставить надежду на королей! И поверьте – Рим сумеет обратиться к народу, к тому самому народу, который римская церковь всегда и высокомерно от себя отталкивала

и от которого скрывала даже Евангелие Христово, запрещая переводить его. Папа сумеет выйти к народу, пеш и бос, нищ и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих. Устоят ли против этого войска Карл Маркс и Бакунин? Вряд ли; католичество так ведь умеет, когда надо, сделать уступки, все согласить» [Достоевский, 1980, с. 202–203].

В этих статьях 1873 г. Достоевский подробно описывает и анализирует раз-вернувшуюся во французском Национальном собрании борьбу между сторонниками существующего республиканского строя и партиями, стремящимися к восстановлению монархии. Совершенно не случайно имя Карла Маркса возникает именно в этом контексте; здесь писатель характеризует общее состояние Европы как господства «злого духа целого столетия несогласий, анархии и бесцельных французских революций» [Там же, с. 201], «социализма» [Там же, с. 203], в конечном счете, «новой антихристианской веры» [Там же, с. 201], к которой обратились «все “малые и сирые”, трудящиеся и обремененные, уставшие ожидать Царства Христова» [Там же]. Так политическая ситуация в современной Европе, в конечном счете, оборачивается у Достоевского религиозной проблематикой и повесткой дня.

А именно, описывая текущие европейские события, писатель на первый взгляд достаточно неожиданно обращает особое внимание на «римское движение», которое «пронеслось в последние полгода по всей Европе» [Там же, с. 202]: «Некоторые наблюдатели и теперь уже угадывают, что всё это движение легитимистское, так вдруг и с таким напряжением разрешившееся теперь во Франции, – может быть, не что иное, как клерикальная переделка, и что первоначальное слово его вышло из Рима» [Там же]. Нетрудно предположить, что к этим «некоторым наблюдателям» Достоевский относил, прежде всего, самого себя. С его точки зрения, борьба между республиканцами и монархистами в Национальном собрании Франции, в сущности, – это «*последняя* (здесь и далее выделено автором. – *Е. Н.*) попытка римского католичества обратиться еще раз, в *последний* раз, за помощью к королям и высшим мира сего и последняя надежда на них» [Там же]. Причем, как это представлялось Достоевскому, римское католичество исчерпало свои возможности влияния на «королей и высших мира сего» и поэтому принципиально изменило свою европейскую политику, «в первый раз за 1500 лет» сделал ставку не на них, но на «народ», на «всех “малых и сирых”, трудящихся и обремененных»: «...попытки сблизиться с народом во Франции, в Германии и Швейцарии новым изобретением – устройством в массах народных богомолий, некоторые неслыханные доселе демократические выходки католического высшего духовенства в Германии с обращением к народу» [Там же].

В восприятии Достоевского в Европе начинается борьба за народ, и в эту борьбу вступили две силы – «Рим» и «Карл Маркс»; при этом «папа сумеет выйти к народу, пеш и бос, нищ и наг», а Карлу Марксу «не устоять».

Причем не только Карлу Марксу, но и Бакунину. В интенсивном контексте «Иностранных событий» рядом с Марксом назван М. А. Бакунин, российский революционер и идейный последователь Маркса (несмотря на очень непростую историю их личных взаимоотношений). Упоминание здесь Бакунина со всей очевидностью свидетельствует о том, что Достоевский так или иначе вписывает и Россию в общеевропейские процессы «злого духа целого столетия несогласий, анархии и бесцельных французских революций». В частности, Бакунин, с которым писатель был хорошо знаком, как известно, был одним из первых теоретиков российского анархизма.

Кроме того, Бакунин был политическим мыслителем, яростно боровшимся как с самой идеей империи, так и с Российской империей собственно: «...я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений» [Баку-

нин, 1920, с. 100]. Это выдержка из его речи на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1867 г. в Женеве – одном из конгрессов, связанном с формированием I Интернационала.

Так получилось, что этот Конгресс посетили и супруги Достоевские, жившие в это время в Швейцарии. Своими впечатлениями о нем Достоевский поделился с С. А. Ивановой в письме от 29 сентября (11 октября) 1867 г. из Женевы: «Я сюда попал прямо на *Конгресс мира* <...> что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо! <...> И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников! Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделат маленькие» [Достоевский, 1985, с. 224]. В это время в Женеве Достоевский встречался также с А. И. Герценом, чье имя также могло бы попасть в этот «русский» контекст. Говоря в письме к С. А. Ивановой о «социалистах и революционерах», писатель сразу же обозначает их особое влияние на «работников», «на несчастный люд работников», но не «народ», не на весь народ в целом, о котором он будет размышлять в «Иностранных событиях» 1873 г. Это обращение к «работникам» очевидно коррелирует с названием работы Энгельса «О положении рабочего класса в Англии» и свидетельствует о том, что Достоевский имел достаточно отчетливое представление об основном адресате учения Маркса и Энгельса.

Далее в письме также обозначена коллизия «Рима» и «Карла Маркса»: «социалисты и революционеры», которые стремятся «истребить христианскую веру».

И наконец, фраза о том, что «большие государства уничтожить и поделат маленькие», является прямым обращением к антиимперской позиции Бакунина, совершенно для Достоевского неприемлемой. «Здесь я за границей окончательно стал для России – совершенным монархистом <...> главный и величайший факт нашей истории <...> мысль о всеславянском значении Петра», – написал Достоевский весной 1868 г. А. Н. Майкову из той же Женевы [Там же, с. 281]. Имперское сознание писателя, восходящее к исторической деятельности Петра I, оформилось уже в Сибири, и эта позиция оставалась неизменной: «наша политическая идея, завещанная еще Петром». Причем в контексте европейской жизни 1860-х гг. имперская идея Петра в восприятии Достоевского уточняется как «всеславянская». Достоевский противопоставляет «социалистов и революционеров», «Карла Маркса и Бакунина» не только «Риму», «христианской вере», но и Российской империи, созданной Петром I.

Карл Маркс тоже воспринимал Россию как империю, империю Петра I, которая, уже с его точки зрения, угрожает современному европейскому политическому порядку. Свое отношение к России Маркс выразил в работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.» (1856–1857) [Маркс, 1989], посвященной в основном вопросу создания и упрочения России как империи. Не случайно он постоянно именует здесь Россию «Московией» [Там же, с. 3 и др.], по названию ее древней столицы. В работе привлечен обширный материал русской истории, начиная с Древней Руси, многочисленные факты российско-европейских связей XVIII в., однако в центре его исторического анализа – две эпохи, татаро-монгольское иго и правление Петра I, поскольку еще одной важной особенностью отношения Маркса к России является его абсолютное убеждение в ее «азиатской» природе: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства» [Там же, с. 11]. Именно «школа монгольского рабства» и легла в основу империи Петра I, по мысли Маркса: «Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира» [Там же]. Так Петр предстает прямым наследником Чингисхана,

и созданная им империя – азиатская по своей природе и сущности: «Петр Великий действительно является творцом современной русской политики. Но он стал ее творцом только потому, что лишил старый московитский метод захватов его чисто местного характера, отбросил все случайно примешавшееся к нему, вывел из него общее правило, стал преследовать более широкие цели и стремиться к неограниченной власти, вместо того чтобы устранять только известные ограничения этой власти. Он превратил Московию в современную Россию тем, что придал ее системе всеобщий характер» [Маркс, 1989, с. 10]. Именно в имперской и азиатской природе России Маркс находил реальную угрозу современному европейскому миру, в том числе миру близких ему концепций и идей: «она угрожает миру восстановлением всемирной монархии» [Там же, с. 3].

В контексте современных трудов Эдварда Саида и его последователей восприятие Карлом Марксом России как азиатской империи представляется предельно актуальным [Российская империя..., 2005]. Но этот же научный контекст (от Карла Маркса до Марка Бассина, Адиба Халида, Натаниэля Найта, Марии Тодоровой и др.) позволяет ярче и отчетливее высветить специфику имперской позиции Достоевского, которая нашла наиболее развернутое выражение в материалах «Дневника писателя» 1877–1878 г., посвященных русско-турецкой войне. Они свидетельствуют о том, что «восточная» проблематика, даже заданная глубоко волновавшей писателя войной, не была для него самоценной: «...восточный вопрос <...> есть и славянский вместе»; «...восточное христианство (NB. сущность Восточного вопроса)», – утверждает писатель [Достоевский, 1984, т. 26, с. 30]. Кульминацией размышлений Достоевского о «восточном вопросе» становится (вновь!) обращение к исторической имперской миссии Петра I, связанной с царством Московским, как это было и у Карла Маркса. Но там, где у Маркса – азиатская империя, у Достоевского – «славянский вопрос» о «восточном христианстве»: «Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) <...> родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы русским назначением всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) – значит всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, а потому и немыслимо даже, потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм» [Там же]. «Сущность Восточного вопроса», по Достоевскому, – «восточное христианство»; отсюда, с его точки зрения, – христианская историческая миссия Российской империи, восходящая к Петру I. Поэтому сформированное в Женеве в 1868 г. представление о «всеславянском значении Петра» на фоне русско-турецкой войны получает окончательную формулировку: Россия как «Всеславянская империя» [Там же, с. 79].

Наконец, в январском «Дневнике писателя» за 1881 г., который стал его завещанием, дан окончательный ответ Достоевского на вопросы, заданные Марксом и Энгельсом мировому сообществу: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христова*. Вот наш русский социализм!» [Достоевский, 1984, т. 27, с. 19].

Список литературы

- Бакунин М. А.* Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы в 1867 г. // Бакунин М. Избр. соч.: В 5 т. Пб.; М., 1920. Т. 3. С. 99–104.
- Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. 544 с.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. 551 с.; 1984. Т. 26. 518 с.; 1984. Т. 27. 463 с.; 1985. Т. 28₁. 551 с.; 1985. Т. 28₂. 552 с.
- Захаров В. Н.* Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2005. Т. 5. С. 695–712.
- Гуйдо К.* Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М., 2012. 224 с.
- Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3–48.
- Новикова Е. Г.* Экономическая проблематика публицистики Достоевского // Достоевский и журнализм / Под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб: Дмитрий Буланин, 2013. С. 58–75. (Dostoevsky Monographs; вып. 4)
- Политическая экономия настоящего и будущего; соч. Бруно Гильдебранда. Перевод М. П. Щепкина. Санкт-Петербург, 1860 г. (280 стр. in 8) // Время. 1861. № 3, март. С. 73–96.
- Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. 696 с. (Новые границы)
- Силантьев И. В., Созина Е. К.* Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–68.
- Engels F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig, Verlag Otto Wigand, 1845, 358 S.
- Hildebrand B.* Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt am Main, 1848, 329 S.

E. G. Novikova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elennov@mail.ru

F. M. Dostoevsky about Karl Marx and Friedrich Engels

It is the first time when the works of F. M. Dostoevsky related to Karl Marx and Friedrich Engels are analyzed systematically. The paper reveals that the book “The condition of the working class in England” by Friedrich Engels is interpreted within the economic context while the considerations on Karl Marx are interwoven with geopolitical thoughts of Dostoevsky on the historical destiny of Christianity and the Russian Empire.

The ideas of Marx and Engels became of particular interest to Dostoevsky in the 1960s. In the March issue of the journal of Dostoevsky brothers “Vremia” (“Time”) 1961, there was an anonymous review of the book “Political economy of the present and future” by German economist Bruno Hildebrand. The book was translated into Russian by M. P. Shchepkin and published in 1860. It is a detailed overview of Germanic economic thought, with special attention to the book “The condition of the working class in England” by Engels. Hildebrand and anonymous reviewer of the journal “Vremia” (“Time”) sharply criticized this work of Engels. In the column “Foreign events” published in “Grazhdanin” (“The Citizen”), Dostoevsky interpreted modern European political events as an opposition between Christianity and “Karl Marx and Bakunin” pointing that the latter would succumb. Marx and Bakunin are entwined into Dostoevsky’s

thoughts on Russia as an Empire and Peter I as its founder, on the fate of Orthodox as an “Eastern Christianity.” Dostoevsky states that faith in Christ is “our Russian socialism.”

Keywords: F. M. Dostoevsky, Karl Marx, Friedrich Engels, M. A. Bakunin, “Vremia” (“Time”), “Grazhdanin” (“The Citizen”).

DOI 10.17223/18137083/68/7

References

Bakunin M. A. Rech' na Kongresse Ligi mira i svobody v 1867 g. [Speech at the congress of the league of peace and freedom in 1867]. In: Bakunin M. *Izbr. soch.: V 5 t.* [Selected works: In 5 vols]. Petersburg, Moscow, 1920, vol. 3, pp. 99–104.

Belov S. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' "F. M. Dostoyevskiy i ego okruzheniye": V 2 t.* [Encyclopedical dictionary “F. M. Dostoevsky and his surrounding”: in 2 vols]. St. Petersburg, Aleteiya, 2001, vol. 2, 544 p.

Dostoyevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Leningrad, Nauka, 1980, vol. 21, 551 p.; 1984, vol. 26, 518 p.; 1984, vol. 27, 463 p.; 1985, vol. 28₁, 551 p.; 1985, vol. 28₂, 552 p.

Engels F. *Die Lage der arbeitenden Klasse in England.* Leipzig, Verlag Otto Wigand, 1845, 358 p.

Guido C. *Dostoyevskiy-ekonomist. Ocherki po sotsiologii literatury* [Dostoevsky – economist. An outline of literature sociology]. Moscow, 2012, 224 p.

Hildebrand B. *Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft.* Frankfurt am Main, 1848, 329 p.

Marx K. Razoblacheniya diplomatocheskoi istorii 18 v. [Revelations of the diplomatic history of the 18th century]. *Voprosy istorii.* 1989, no. 4, pp. 3–48.

Novikova E. G. Ekonomicheskaya problematika publitsistiki Dostoyevskogo [Economic theme in Dostoevsky's publicist works]. In: V. N. Zakharov, K. A. Stepanyan, B. N. Tikhomirov (Eds). *Dostoyevskii i zhurnalizm* [Dostoevsky and journalism]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2013, pp. 58–75. (Dostoevsky Monographs; iss. 4).

Politicheskaya ekonomiya nastoyashchego i budushchego; soch. Bruno Gil'debranda. Perevod M. P. Shchepkina [Political economy of the present and future; work of Bruno Gil'debrand. Transl. by M. P. Shchepkin]. St. Petersburg, 1860 g. (280 str. in 8). *Vremya*, no. 3, March, pp. 73–96.

Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya [The Russian Empire in foreign historiography. The recent works. Anthology]. P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller (Comps). Moscow, Novoe izd., 2005, 696 p. (Novye granitsy [New borders])

Silant'yev I. V., Sozina E. K. Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoy prozy A. Gertsena 1840-kh gg. [Narrative in literature and history. Based on prose diary by A. Herzen in the 1840s]. *Siberian Journal of Philology.* 2013, no. 3, pp. 58–68.

Zakharov V. N. Idei “Vremeni”, dela “Epokhi” [Ideas of “Time”, affairs of “Epoch”]. In: Dostoyevskiy F. M. *Pol. sobr. soch. Kanonicheskiye teksty* [Dostoevsky F. M. Complete works. Canonical texts]. V. N. Zakharov (Ed.). Petrozavodsk, PetrSU Publ., vol. 5, pp. 695–712.